

Б.Я. Канторович

О научном подходе к проблемам общественного развития

В интересной статье московского политолога Лидии Шевцовой "Бег на месте" речь идет об отсутствии четкого "представления о самом строе", утвердившемся в России. На поверхности одно, а начинка совсем другая, что лишает страну "механизма выработки общественно эффективных решений и их осуществления" [1] и тому подобное. Но, сказав "а", надо бы сказать и "б", определить причины такого положения дел. А они в отсутствии подлинно научного подхода к исследованию, познанию и преобразованию общества. Речь идет об отсутствии материалистического понимания истории и формулировки на его основе важнейших закономерностей общественного развития.

История – не есть хаос, а представляет собой последовательный процесс смены общественно-экономических формаций, что и определяет прогрессивное развитие общества. Становятся понятными условия его существования и функционирования: географической среды, фактора народонаселения, а главное – материальных условий жизни людей, их способа производства, соотношения в нем производительных сил и производственных отношений. Поскольку главной производительной силой общества, его субъектом являются сами люди – классы, социальные группы, отдельные личности, – постольку огромное значение в истории приобретают результаты их сознательной деятельности – субъективный фактор, находящийся в диалектическом взаимодействии с объективными условиями общественной жизни.

Отнюдь не утверждая, что вышесказанным можно в полной мере очертить содержание подлинно научной общественной теории, следует, вместе с тем, предположить, что именно в этом случае предоставляется возможность с достаточной результативностью оценивать пути общественного развития и решения насущных исторических задач. Вне представления об обществе как развивающейся исторической реальности, вне признания объективных закономерностей развития общества и определяющей роли в этом экономических условий, а также действующего на этой основе субъективного фактора, приобретающего решающее значение в определенной исторической ситуации, что исключает фатализм и субъективизм в практической деятельности и в оценке исторических событий, – без всего этого невозможно понять, что происходит в обществе и что его ждет впереди.

С этих же позиций могут быть подвергнуты научной, нелицеприятной оценке всякого рода богословские, идеалистические и утопические теории общественного развития, что, в итоге, не может не вести к их полной дискредитации. Это, однако, не исключает возможности возвращения к ним тех людей и социальных групп, чьим интересам, как им кажется, они отвечают. Нынешний религиозный ренессанс на просторах СНГ является наглядным тому подтверждением, хотя в нем и проявляется другая крайность – отвержение принципа свободы совести.

Никому не удавалось без существенных потерь игнорировать формационную теорию общественного развития. Известна, например, попытка английского историка и социолога А. Тойнби, отвергнув формационную теорию, рассматривать исторический процесс как круговорот ряда отличных друг от друга цивилизаций, издавна существующих, якобы, на нашей планете. Интересная концепция, если бы в ней не просматривалось стремление заменить исторической видимостью ее сущность, снять тем самым проблему закономерного (подчас революционного) перехода общества от одного этапа развития к другому. Картина мира, воссозданная Тойнби, не обходя ни одного события, имевшего место в истории, кардинально извращается и именно в этом заключается несостоятельность этой теории. Ни Тойнби, ни его последователям и проч. не уйти от дилеммы "капитализм – социализм", от этих терминов, от противоречий между ними.

Сложнее обстоит дело с появившимися в XX веке теориями, своеобразно, мягко говоря, использующими научные категории в оценке общественных явлений. В первую очередь, как бы рассуждая "слева направо", следует обратиться в этом плане к социал-демократической модели общественного развития. Приняв идею исторической необходимости смены капитализма социализмом, социал-демократия, однако, решительно отказывается от революционных методов такой смены, обоснованием чего являются ее утверждения о склонности революций, рождаемых ими диктатур превращаться в диктатуры партий и отдельных личностей, а также вызывать несоразмерность потерь и достижений в ходе революционных преобразований, как это было, например, в Советском Союзе. Сегодня в арсенале социал-демократии появился огромной силы довод: поражение реального социализма на фоне выдающихся достижений социальной политики в ряде капиталистических стран.

Что можно сказать по этому поводу? История социал-демократии и ее успехов имеет огромное значение. Но попытки достичь всеобщего классового мира, защитить интересы не только трудящихся, но и всех других – эти попытки то и дело оборачиваются ухудшением положения наемных работников. Социал-демократическая политика не отменяет кризисные явления капитализма, не исключает резчайших противоречий его развития, не избавляет общество от войн и других социальных потрясений.

Существуют на Западе, да и не только там теории левоцентристского толка, отрицающие историческую необходимость социализма, но признающие приемлемость на благо капитализма некоторых социалистических методов управления: наличия, например, сектора государственной собственности, государственного регулирования экономики, ее планирования и прогнозирования, разработки социальных программ, снижающих накал классовых противоречий и др. Подобными теоретическими изысканиями занимались Дж. Кейнс и его последователи, а также создатели теории конвергенции и другие.

Определенных результатов эти теории достигли. Кейнсианство несомненно помогло капитализму преодолеть кризис конца 20-х – начала 30-х гг., наладить экономический рост, с помощью конвергентных рецептов вступить отчасти в постиндустриальную стадию развития. Реализовав эти задачи, буржуазная идеология теорию конвергенции забыла. Ныне ее отголоски проявляются в разговорах о так называемом "рыночном социализме" – положении, самом по себе слагаемом из несовместимых понятий о "социально ориентированном рынке", неизвестно, кстати, по какому типу – рузвельтовскому или дэнсяопиновскому. Это тем более следует подчеркнуть, что первый предполагает заимствование некоторых элементов социализма для укрепления капитализма, а второй – элементов капитализма для укрепления социализма.

В СССР же теорию конвергенции отвергли, как говорится, с порога и в

принципе, и в той ее части, которая насущно свидетельствовала о необходимости учета бесспорных достижений послевоенного капитализма. Совершенно при этом необязательно быть поглощенным капитализмом. Но хотели как лучше, а без научных подходов к проблеме получилось как всегда. А ведь можно было допустить приемлемый для социализма плюрализм собственности, вывести, в частности, на поверхность экономической жизни теневую экономику или часть ее, наладить с Западом, уже давно живущим в системе общего рынка, столь необходимые стране инвестиционные отношения, быстрее ликвидировать урон, образовавшийся "в борьбе" с генетикой, кибернетикой, теорией относительности, открыть тем самым простор превращению науки в непосредственную производительную силу.

Это же парадокс, что именно научному социализму принадлежит открытие тенденции превращения науки в непосредственную производительную силу, с чем он связывал успехи будущего общества, но у нас эту проблему "заговорили", а капиталистические страны совершили на этой основе гигантский скачок в укреплении своих позиций. Таковы отрицательные последствия сплошного огосударствления собственности в социалистических странах, сверхцентрализованного планирования и управления экономикой, углубления диспропорций в производстве средств производства и средств потребления и тому подобное.

В то же время консолидировались усилия мирового капитализма в борьбе с мировым социализмом. Это проявилось в том, что буржуазное обществоведение выдвинуло новые концепции общественного развития, сердцевинной которых стали умножившиеся нападки на общественную собственность и иступленная защита частной собственности, что выдвинуло на первый план буржуазной социологии неоконсерватизм и монетаризм.

Трудно отрицать их положительное воздействие на современную капиталистическую экономику. Вопрос в другом – как и почему это случилось? В данном случае следует подчеркнуть огромные, признанные наукой приспособительные возможности частной собственности в обществе, основанном на ней.

В середине прошлого века производственные отношения капитализма, основывавшиеся на атомизированной частной собственности, регулируемой свободной конкуренцией, пришли в острое противоречие с развивавшимися производительными силами. Наступило время экономических и политических кризисов, апогеем чего явилась Парижская Коммуна. Буржуазия срочно и интенсивно перешла к господству монополистического капитала, который на несколько десятилетий обеспечил безоблачное развитие буржуазного общества. А затем грянул кризис, вызвавший мировую войну и социалистические революции. В ответ на это частная собственность обрела государственно-монополистическую форму, которая через два десятилетия породила вторую мировую войну и образование мировой социалистической системы.

В этих условиях возник и укрепился транснациональный капитализм, а неоконсерватизм и с ним монетаризм – продукт Чикагской экономической школы – явились теоретической реакцией на это событие, тем более успешной, что в социалистическом мире реальные общественные процессы плохо просматривались властью придерживающимися, но зато изобретались формулировки типа "полной и окончательной победы социализма", "развитого социализма" и др. Результат известен: капитализм укрепился, мировой социализм разрушен.

Неоконсерватизм, однако, при всех его попытках быть пригодным не только для капиталистических, но и других стран, выступает под тем же традиционным девизом – "вперед назад!" А монетаризм, будучи крайним проявлением консерватизма, отличается абсолютным неприятием общественной собственности и неумной прислужливостью перед частной собственностью. Он про-

тив любой, даже буржуазной, национализации, против увеличения зарплаты работникам и сокращения их рабочего дня, выступает за удержание в зависимости слаборазвитых стран, за укрепление позиций банковского капитала, в том числе путем спекулятивных финансовых махинаций, что ведет к ограблению других народов и государств. Плоды монетаризма проявились в последнее время в тяжелейшем финансово-экономическом кризисе в Юго-восточной Азии, экономическом и политическом кризисе в Индонезии, в ряде крупных классовых столкновений, имевших место в Европе.

Удивительно и другое. Эту теорию монетаризма взяли на вооружение реформаторы и теоретики из СНГ, возглавившие переход своих государств от социализма к капитализму. Адекватная потребностям ряда развитых капиталистических стран, она оказалась кардинально-противоестественной условиям России и других республик, породив здесь развал производства, небывалый рост спекулятивно-криминального капитала, повальное обнищание трудящихся. Устремление к гигантской кормушке – овладению государственной, созданной народом, собственностью – затащило в свои тенета часть политической и хозяйственной элиты, вызвав редкостную коррупцию и полное равнодушие к нуждам рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, породив также новую буржуазию, а вместе с ней вполне естественную в такой ситуации классовую борьбу – экономическую, политическую и идеологическую.

Такая теория и практика противоречит главному – объективному процессу международной социализации общества, основанному на колоссальном развитии производительных сил человечества, небывалых, на этой основе, интеграционных процессах и росте массы общественной собственности, а также проводимых социальных мероприятиях, отвечающих жизненным интересам населения развитых, по крайней мере, стран Европы и Америки. В СНГ процесс этот протекает с точностью до наоборот. Касается это и нашей республики, политическую и экономическую жизнь которой корежит схватка промышленного и криминально-спекулятивного капитала, определяя сверхусилия президентской администрации, направленные на поиск своего пути развития.

Возможен ли в принципе успех этих поисков и усилий? Наверное да, если те, кто управляют страной обратятся за ответами к науке, к изучению объективных закономерностей небывалого досель процесса, но отнюдь не к разрешению возникающих проблем с помощью, например, христианских ценностей и иной идеалистической мишуры. Еще в "Манифесте Коммунистической партии" Маркс и Энгельс писали: "Нет ничего легче, чем придать христианскому аскетизму социалистический оттенок" [2], что отнюдь не превращает его, как и любую религию, в панацею решения сложнейших современных социально-политических проблем.

Научная теория общественного развития, конечно, морально ответственна за дела былых политических лидеров СССР, постоянно клявшихся в верности ей; она потеснена ныне и в известной мере дискредитирована, но ее подлинная, незамутненная невежеством и измышлениями суть сулит ей в будущем возрождение и новые успехи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шевцова Л.* Бег на месте // Известия, 1998, № 26.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Собр.соч., 2-е изд. Т. 4. С. 449.

S U M M A R Y

The historical process is objective and conforming to the laws of nature. With has been scientifically proved giving the critical appreciation of all sorts of social progress theories.